

ЗОЛОТОЙ ДРАКОН

Сказка о том, кто забыл,
что он умеет летать

Помни

Летай

ЛЕГЕНДЫ
О ДРАКОНАХ

БИБЛИОТЕКА

ДОСТАВКА
СЧАСТЬЯ

СЕРГЕЙ ДИКОВИННЫЙ

Сергей Диковинный

Золотой дракон

«Автор»

2026

Диковинный С. В.

Золотой дракон / С. В. Диковинный — «Автор», 2026

В мире, где люди перестали рассказывать сказки, исчезли не только драконы и царевны — исчезла сама способность мечтать, любить, верить и удивляться. Города стали стерильными, улицы — одинаковыми, люди — серыми. Всё управляется идеальными системами. Никто не задаёт вопросов. Никто не поднимает головы. Но однажды находятся те, кто чувствует: что-то не так. Кто помнит тёплые голоса и истории на ночь. Кто решает идти за линию — туда, где ещё живёт последняя Хранительница и ждёт своего часа Книга сказок. Героям предстоит вернуть миру краски. Но для этого им придётся сначала вернуть души самим себе.

© Диковинный С. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Золотой дракон	5
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Золотой дракон

Золотой дракон

ПРОЛОГ. «Мир без сказок»

I

Представьте мир, в котором не осталось ни одной сказки.

Не потому, что их сожгли в один день. Потому что был подписан страшный указ. И люди просто перестали их рассказывать.

Сначала в больших городах. Потом в маленьких. Потом в деревнях.

Сначала перестали читать детям на ночь. Потом перестали вспоминать. А потом и вовсе забыли, что когда-то они были.

Это случилось не вдруг. Это случилось незаметно. Как незаметно исчезает тепло из дома, если долго не топить печь.

Сначала исчезли драконы. Потом — царевицы. Потом — говорящие волки и летающие ковры.

Исчезли Баба-Яга и Кощей Бессмертный, Иван-дурак и Василиса Прекрасная, Курочка Ряба и Колобок.

Они не умерли. Они просто... растворились. Как туман на рассвете. Как сон, который забываешь в ту же секунду, как проснулся.

Остались города.

Идеальные.

Чистые.

Стеклянные и бетонные.

II

Город, в котором нет сказок, — это город, где все улицы одинаковые.

Прямые, ровные, вымощенные серой плиткой. Ни одного поворота, который удивлял бы. Ни одного перекрёстка, где можно заблудиться. Ни одного дворика, где можно спрятаться.

Дома — высокие, стеклянные, безликие. Окна в них — одинаковые. Двери — одинаковые. Люди входят в них и выходят, но нельзя сказать, чем один дом отличается от другого.

В каждом — одинаковые квартиры. В каждой квартире — одинаковые стены, одинаковые полы, одинаковая мебель из одинаковых магазинов.

Город управляется сам.

Умные сети распределяют энергию. Умные светофоры регулируют движение. Умные роботы убирают улицы.

Людям не нужно ничего решать. За них всё решено.

В парках — ровные дорожки, ровные газоны, ровные скамейки. Деревья — одинаковой высоты. Кусты — одинаковой формы. Всё подстрижено, всё выверено, всё стерильно.

И только ветер иногда задувает в парк лист с соседней улицы — жёлтый, неровный, живой.

Но дворник-робот тут же подбирает его и уносит.

Фонтаны бьют по расписанию. Включаются в девять утра. Выключаются в девять вечера. Струи воды — одинаковой высоты. Ни одна не смеет быть выше другой.

В витринах — манекены. Одинаковые лица. Одинаковые улыбки. Одинаковая одежда.

Они не продают — они демонстрируют.

Посмотри и пройди мимо.

Люди ходят по улицам быстро, деловито, глядя в экраны. Они ни на что не отвлекаются. Им некогда. Они спешат туда, куда нужно. Они делают то, что должны.

Они не мечтают. Потому что мечтать — значит останавливаться, а останавливаться нельзя.

По вечерам город зажигается одинаковыми огнями. Неоновые вывески. Рекламные щиты. Экран на самом высоком здании, транслирующий новости.

Новости всегда одинаковые. Новости о том, что всё хорошо. Что рост продолжается. Что всё стабильно.

И когда последний житель города ложится спать — он не смотрит в потолок, вспоминая что-то. Он закрывает глаза и сразу засыпает.

Ему не нужно представлять ничего. Ему не о чем мечтать. Ему нечего ждать.

Завтра будет такой же день.

Потом ещё один.

Потом ещё.

III

Люди в этом мире — ровные.

Не потому, что так задумано. А потому, что они перестали чувствовать.

Дети рождаются. Они учатся ходить, говорить, читать. Их учат считать, писать, анализировать. Им объясняют, как устроен мир: атомы, молекулы, цифры, проценты.

Им объясняют, что всё можно посчитать, что всё имеет цену, что всё поддаётся логике.

Им не объясняют только одного — зачем.

Зачем просыпаться утром? Зачем идти в школу? Зачем расти, взрослеть, работать? Зачем любить? Зачем мечтать?

Ответ всегда один:

— Так нужно.

И дети принимают это. У них нет другого выбора. Им не рассказывали сказок, в которых были другие ответы: «Ради счастья», «Ради чуда», «Ради того, чтобы увидеть, как распускается цветок на рассвете».

Дети вырастают. Они становятся взрослыми. Ровными. Серыми.

Они ходят на работу. Возвращаются домой. Смотрят на экраны. Оплачивают счета. Планируют отпуск — всегда в одном и том же курортном отеле с одинаковыми номерами и одинаковым видом из окна.

Они разговаривают. Но не о главном. О погоде. О ценах. О новых моделях роботов.

Никто не говорит о том, что внутри. Потому что внутри — пусто.

А пустоту не принято обсуждать. Пустоту нечем наполнить.

Иногда кто-то садится на скамейку и смотрит в небо. Просто так. Смотрит долго. Он не может объяснить, зачем. Просто ему вдруг становится не по себе.

Словно он что-то потерял, но не может вспомнить, что именно.

Он смотрит на облака.

Облака плывут.

Они похожи на... на что-то.

Он не знает, на что.

Он встаёт и уходит. Потому что, если долго смотреть на облака, можно сойти с ума.

Так говорят.

Наверное, так и есть.

Никто не поёт. Никто не смеётся громко. Никто не плачет на людях.

Чувства — это непозволительная роскошь. Чувства нарушают порядок. Чувства замедляют работу.

Однажды психолог — лучший городской специалист по адаптации — провёл исследование. Он собрал фокус-группу из людей разных возрастов и спросил их:

— Что вы чувствуете, когда видите закат?

Люди переглянулись. Пожалуй, впервые им задали такой вопрос.

— Ничего, — сказал один.

— Красиво, — сказала другая. — Но я не знаю, что это значит.

— Я не смотрю на закаты. У меня нет времени, — сказал третий.

Психолог записал ответы и закрыл проект. Он не знал, почему ему стало не по себе. Он решил, что это стресс.

Проглотил таблетку.

Лёг спать.

И ему приснился сон.

Он стоял в поле. Вокруг — трава. Зелёная, живая, пахнущая детством. Над головой — небо. Такое синее, что болели глаза.

И кто-то рядом — тот, кого не было видно, — рассказывал ему историю о том, как однажды дракон спас царевну, а царевич убил Кощея, и все жили долго и счастливо.

Он проснулся в холодном поту.

Он не помнил, что такое сказки. Но он помнил, что во сне ему было тепло.

Он выбросил этот сон из головы. Решил, что это галлюцинация. Продолжил работать.

Но каждую ночь ему снилось небо.

IV

Без сказок люди не становятся глупее. Они становятся беднее.

Не в деньгах — в душе.

Они теряют способность удивляться. Ничто не удивляет их. Они видят новые технологии, новые здания, новые рекорды — и пожимают плечами.

Что в этом такого? Всё по плану. Всё предсказуемо.

Они теряют способность мечтать.

Мечта — это образ. Образ, рождённый из невозможного. Сказки — это фабрика невозможного. Когда она останавливается, людям нечего противопоставить реальности.

Они принимают реальность как данность. Они смиряются.

Они теряют способность любить.

Любовь требует воображения. Надо представить себя в другом, простить ему непохожесть, поверить в его особенность.

Без сказок человек видит в другом только функции.

Полезен — не полезен. Удобен — неудобен. Выгоден — невыгоден.

Они теряют способность верить.

Вера — это доверие невидимому. Сказки учат доверять чуду. Когда чудес нет, вера умирает. Остаётся только расчёт. Только логика. Только цифры.

И в этом мире рождается новая аристократия.

Те, кто помнит сказки. Те, кто не потерял душу.

Они прячут это знание. Они передают его из поколения в поколение. Они не рассказывают никому.

Потому что знание — это сила. А сила должна принадлежать избранным.

Они думают: «Сказки — это наше преимущество. Если все узнают их, мы станем такими же, как все. Мы потеряем власть».

Они возводят стены. Они устанавливают законы. Они следят, чтобы ни одно слово из сказки не вышло наружу.

Они — хранители.

Но они не хранят — они крадут.

Они украли у человечества его душу.

И теперь они правят миром, в котором нет чудес.

V

Но...

Но есть те, кто не согласен.

Те, кто чувствует, что мир стал серым.

Те, кто смотрит на закаты и не может объяснить, почему щемит сердце.

Те, кто находит старые фотографии и не знает, почему хочет плакать.

Те, кто случайно находит в архивах документы с запретным словом «сказка» — и чувствует, как ток пробегает по коже.

Те, кто решает искать.

Идти за линию.

В тайгу.

Туда, где ещё живут те, кто помнит.

И тогда начинается история.

VI

Читатель, остановись на минуту.

Вспомни, когда ты последний раз слышал сказку. Не пересказ из интернета. Не адаптацию под фильм. А живую. Тёплую. Рассказанную голосом, который ты любишь.

Помнишь?

Если да — ты счастливчик. Ты не потерял это.

Если нет — задумайся.

Что ты чувствуешь, когда смотришь на ночное небо? Когда идёшь по лесу? Когда видишь, как падает снег?

Пустота?

Спокойствие?

Или — что-то большее?

Сказка — это не просто история. Это нить, которая связывает тебя с теми, кто жил до тебя. Это мост, по которому ты можешь пройти в страну, где возможно всё.

Мы не знаем, переживут ли герои этой истории. Мы не знаем, удастся ли им вернуть сказки людям.

Но мы знаем одно: пока есть те, кто помнит, — сказки живы.

И пока они живы, у мира есть надежда.

Ты готов услышать эту историю?

Тогда слушай.

ГЛАВА 1. Mapro

Марго родилась в мире, где не было места чуду. Но она не знала об этом.

Когда ты ребёнок, ты не сравниваешь — ты просто живёшь. Ты не знаешь, что где-то может быть иначе. Ты принимаешь мир таким, какой он есть, и только потом, спустя годы, начинаешь понимать: что-то было не так с самого начала.

Она росла в одинаковой квартире в одинаковом доме на одинаковой улице. Её мама работала в банке. Отец — в институте. Они были хорошими людьми, добрыми и правильными. Они делали то, что нужно. Они не задавали лишних вопросов. Они не мечтали — потому что им никогда не приходило в голову, что мечтать можно и нужно. Их научили жить ровно, и они жили ровно. Они передали эту ровность дочери.

Но что-то пошло не так.

Марго научилась говорить рано, читать — раньше, чем другие дети в группе, а рисовать — почти сразу, как научилась держать карандаш. Она рисовала всегда и везде: на бумаге, на обоях, на асфальте мелками, на запотевшем стекле, даже на ладони, когда под рукой не было ничего другого.

Она рисовала драконов с золотыми глазами, принцев на белых конях, замки на вершинах гор, говорящих волков и царевен, которые умели превращаться в лебедей.

Она не знала, откуда берутся эти образы. Она не знала слова «сказка». Но что-то внутри неё всегда знало. Что-то древнее, тёплое, живое. Что-то, что не вписывалось в одинаковую квартиру, одинаковый дом и одинаковую улицу.

Когда мама спрашивала: «Что это?» — Марго отвечала:

— Это дракон. Он охраняет царевну.

Мама не понимала. Папа не понимал. Воспитательница не понимала. Никто не понимал. Они смотрели на рисунки Марго и видели что-то чужое. Что-то, чего не должно быть.

— Марго, — говорила воспитательница строго, — таких зверей не существует. Рисуй то, что видишь. Дом. Дерево. Солнце.

— Но солнце — это дракон, — спокойно отвечала Марго. — Он летит по небу и дышит огнём. А ночью он прячется за горы, чтобы никто не увидел его золотые глаза.

Воспитательница вздыхала и делала пометку в карточке ребёнка — в графе «особые наблюдения».

Марго не знала этого. Она не знала, что её будущее уже решается. Она думала, что взрослые просто не понимают, потому что взрослые вообще мало что понимают. Они забыли, как видеть крылья у облаков и замки в лужах.

Но однажды в школу пришла комиссия.

Взрослые в одинаковых серых костюмах ходили по классам, задавали детям одинаковые вопросы и делали одинаковые пометки в одинаковых блокнотах. Марго не знала, что это проверка. Она думала, что это просто гости.

Когда очередь дошла до неё, женщина в сером пиджаке улыбнулась тёплой — на первый взгляд — улыбкой.

— Расскажи нам, девочка, что ты любишь делать?

— Я люблю рисовать, — ответила Марго.

— И что ты рисуешь?

— Драконов. Принцев. Замки. Ещё я рисую говорящих зверей. Волк однажды сказал царевичу...

Женщина перебила её мягко, но настойчиво:

— Ты знаешь, что говорящих зверей не существует?

Марго замерла. Она вдруг поняла, что сказала что-то неправильное. Что-то опасное. Она не знала, что именно. Но она почувствовала — как чувствуют дети, когда взрослые вдруг перестают улыбаться по-настоящему.

— В сказках, — тихо сказала она. — В сказках волки говорят.

— В сказках? — Женщина нахмурилась. — Каких сказках?

— Мне мама рассказывала. И бабушка. До того, как бабушка уехала.

Женщина записала что-то в блокноте. Она снова улыбнулась, но улыбка стала другой. Ледяной. Чужой.

— Спасибо, девочка. Ты свободна.

Марго вышла из кабинета. Она не знала, что через месяц её должны были отправить в специальную школу с программой «Забота о детях». Не знала, что там «лечат» таких, как она. Что там учат быть ровными. Что там выжигают воображение, как выжигают сорняки на полях.

Она не знала, что находится на краю пропасти.

Но ей повезло. Не потому, что система сжалась — система никогда не сжимается. А потому, что Марго была умной. Она подслушала разговор родителей, которые не знали, что дочь не спит.

— Она слишком живая, — говорила мама шёпотом. — Они хотят забрать её в спецшколу. Сказали, что ей нужно лечение. Что это для её же блага.

— Мы не можем спорить, — отвечал папа. — Мы никто. Мы не можем спорить с системой.

Марго лежала в кровати и смотрела в потолок. Она не знала, что такое «слишком живая». Но она поняла одно: её живость опасна. Её нужно спрятать. Хотя бы на время. Хотя бы до тех пор, пока они не перестанут смотреть.

На следующий день она пришла в школу и сказала воспитательнице:

— Я больше не буду рисовать драконов. Я буду рисовать дома и деревья. Так правильно. Воспитательница улыбнулась и поставила в карточке: «Ребёнок скорректирован».

Марго улыбнулась в ответ. Она научилась улыбаться так, чтобы никто не видел, что внутри неё что-то сжалось.

Она спрятала своих драконов глубоко. Настолько глубоко, что даже сама почти забыла, где они лежат.

Она стала учиться. Хорошо. Отлично. Лучше всех. Она стала ровной. Серой. Правильной. Научилась говорить то, что нужно. Делать то, что нужно. Улыбаться тогда, когда нужно.

Но иногда ночью, когда никто не видел, она доставала с верхней полки старую тетрадь. В ней были нарисованы драконы — золотые, зелёные, синие, с глазами, в которых горел огонь. Она смотрела на них и молчала. Не плакала — она почти разучилась плакать. Просто смотрела.

А потом закрывала тетрадь и прятала её обратно.

Она выросла. Закончила школу с отличием. Потом — институт, тоже с отличием. Выбрала маркетинг. Не потому, что любила его. А потому, что он позволял думать нестандартно. Позволял придумывать неожиданные рекламные ходы, необычные сюжеты, образы, которые запоминаются.

Она не могла быть живой — но она могла использовать свою спрятанную живость как инструмент.

Люди называли её креативной. Она считала себя воровкой. Она крада из своего детства образы и превращала их в коммерческие идеи. Она не рассказывала никому, откуда берёт вдохновение. Боялась. Боялась, что её снова отправят «лечиться». Боялась, что заберут её жизнь. Боялась, что однажды она сама забудет, где спрятала своих драконов.

Она научилась быть как все. Но внутри неё всё равно жил дракон. Он лежал на дне души, свернувшись в клубок. Он не умирал.

Он ждал.

Марго пришла работать в небольшую компанию по продаже электроники. Маленькая фирма, тесный офис, скучный коллектив — люди, которые приходили в девять, уходили в шесть и не позволяли себе никаких отклонений от графика.

Директора звали Антон.

Он был молод, амбициозен и совершенно безэмоционален. Он не был злым — он просто был пустым. Он видел в людях ресурс. В деньгах — цель. В мире — поле для завоевания.

Марго сразу поняла: этот человек — продукт системы. Такой же, как все. Только умнее. Только опаснее. Он не знает, что бывает иначе. Он никогда не видел других миров.

Она получила место менеджера по рекламе.

На первой же неделе представила проект, который коллеги сочли безумием. Она предложила запустить серию рекламных роликов, в которых бытовая техника оживала: пылесосы танцевали, холодильники пели, стиральные машины рассказывали шутки.

Коллеги смеялись. Они не понимали.

— Это глупо, — сказали они. — Это детский сад.

— Это запомнится, — ответила Марго. — Люди устали от технических характеристик. Люди хотят эмоций.

Антон посмотрел на неё. Впервые за долгое время он увидел что-то, что не мог просчитать. Не понял, что это было. Но почувствовал: это может принести деньги.

— Делай, — сказал он коротко.

Проект имел оглушительный успех. Компания выросла. Потом ещё один проект. Ещё. Ещё.

Марго не приносила стандартных решений. Она приносила невозможные. И они работали. Она не объясняла, откуда берёт идеи. Она не могла сказать: «Из сказок, которые я спрятала в себе». Она просто делала.

Антон приблизил её к себе. Сначала — как советника. Потом — как партнёра. Он не понимал её. Он не знал, как её «читать». Он не мог предсказать её мысли. Но он знал одно: вместе они непобедимы.

Компания разрасталась. Из маленького офиса превратилась в корпорацию.

У Марго появились враги. Те, кто работал дольше. Те, кто считал себя опытнее. Те, кто не мог простить ей её успех.

— Она не работает, — шептались в курилке. — Она просто везёт. Ей всё достаётся само.

Никто не знал, сколько она работает. Никто не видел её ночей без сна. Никто не знал, что каждый её проект — это битва с собственной серостью. Это попытка остаться живой.

Завистники не действовали открыто. Они шептались. Они плели интриги.

А потом один из них нашёл способ навредить по-настоящему.

Это случилось зимой.

Марго возвращалась домой поздно вечером. Ночь, пустая дорога, редкие фонари.

На перекрёстке из-за поворота вдруг вылетел грузовик.

Он шёл прямо на неё.

Марго не успела подумать. Она просто вжала педаль тормоза в пол.

Машины занесло. Она вильнула. Боковое зеркало снесло ударом. Осколки стекла осыпали салон.

Грузовик пронёсся мимо, даже не притормозив, и скрылся в темноте.

Марго сидела, сжимая руль. Она дрожала. Она не плакала — она разучилась плакать. Просто сидела и слушала, как колотится сердце.

Руки перестали трястись только через час.

Она достала телефон и позвонила Антону.

— Со мной чуть не случилась авария, — сказала она.

В трубке повисло короткое молчание. Она знала это молчание. Антон молчал, когда считал. Когда просчитывал варианты.

— Кто? — спросил он наконец.

— Не знаю. Думаю, это было не случайно.

Она не стала говорить, что подозревает своих коллег. Он и сам мог додумать. Он был умным.

На следующее утро Антон встретил её в своём кабинете.

— Я купил тебе дом, — сказал он. — За городом. С охраной. Там безопасно.

— Антон, это слишком...

— Не спорь. Это не подарок. Это вложение. Ты — актив. Я не собираюсь терять актив.

Марго посмотрела на него. Он говорил как робот. Но она видела его глаза. Она умела видеть то, что люди скрывают.

В его глазах была тревога. Настоящая. Человеческая.

Она не сказала «спасибо». Просто кивнула.

Марго переехала. Она жила в доме с садом, с охраной, с чистой постелью, с едой из ресторанов. Она была в безопасности.

Но она не была счастлива.

Она была в золотой клетке.

Через месяц Антон пришёл к ней. Он стоял у окна и долго смотрел на сад. Потом повернулся.

— Марго. Я хочу предложить тебе стать моей женой.

Марго замерла. Она не ожидала. Не от него. Она ждала практического вопроса, обсуждения планов — но не этого.

— Зачем? — спросила она.

— Это логично, — ровно сказал Антон. — Мы вместе сильнее. Наш союз удвоит капитал. Это придаст уверенности инвесторам. Это снизит риски. Наш брак будет самым прагматичным браком на Земле.

Он говорил это так спокойно, так рационально, что Марго захотелось ударить его. Или заплакать. Или засмеяться.

— Антон, — сказала она, стараясь говорить терпеливо. — Ты понимаешь, что брак — это не сделка? Это любовь. Это чувства. Это то, что нельзя просчитать.

— Зачем мне чувства? У меня есть ты. Ты и есть мой расчёт. Вместе мы завоюем весь мир.

Марго посмотрела в его глаза. Там не было ничего. Пустота.

Но в этой пустоте она вдруг увидела что-то другое.

Испуг. Настоящий. Человеческий.

Он боится. Он боится остаться один. Он не умеет просить иначе. Он знает только язык выгоды, язык цифр.

Он пришёл просить любовь — но не знает, как это делается. Поэтому он говорит о прагматизме. О выгоде. О капитале.

Марго вдруг поняла, что не может просто уйти. Она не может бросить его. Если она уйдёт, он останется один в своём стеклянном мире, где нет никого. Он останется в пустоте.

И он умрёт. Не физически. Внутри. Медленно.

— Я подумаю, — сказала она.

Антон кивнул. Ушёл. Он думал, что она согласится.

Марго осталась одна. Она села на пол, обняла колени.

И впервые за много лет она заплакала.

Она плакала не о себе. Она плакала о нём. О человеке, который не знает, что такое сказка. О мужчине, который никогда не мечтал. О мальчишке, у которого отняли чудо.

И в этот момент она поняла: она не уйдёт.

Она останется. Она попробует разбудить его. Попробует достать из него то, что спрятано глубоко. То, что система не смогла уничтожить до конца.

Она попробует сделать из робота человека.

Она не знала, что это решение изменит не только его жизнь. Не только её.

Она не знала, что скоро в её жизни появится Денис — простой инженер, который будет держать её за руку у костра. Она не знала, что впереди — тайга, отшельники, погони и та самая книга, в которой спрятаны драконы.

Она не знала, что её собственный дракон однажды проснётся.

Но это будет потом.

А пока она сидела на полу в пустом доме за городом, в безопасности, в клетке, и плакала о человеке, который не знал, что такое слёзы. Она плакала потому, что впервые за долгое время позволила себе это. Потому что боялась.

Потому что, если она сможет разбудить Антона — значит, в мире ещё есть чудо. Значит, система не всё забрала. Значит, сказки живы.

Она зажмурилась. Представила, как достаёт с верхней полки старую тетрадь. Как открывает её. Как видит дракона с золотыми глазами.

Она улыбнулась сквозь слёзы.

— Я вернусь за тобой, — прошептала она. — Я вернусь.

ГЛАВА 2. Антон

Антон Ковалёв не верил в сказки.

Он вообще не верил в то, что нельзя пощупать, измерить или положить на счёт. Мир для него был простой и понятной схемой: причина — следствие, усилие — результат, вложил — получил. Всё остальное — болтовня для тех, кто не умеет работать.

Он родился в обычной семье, в обычном городе, в обычной квартире с обоями в цветочек и скрипучим диваном. Его отец работал на заводе. Мать — в поликлинике. Они жили не бедно и не богато — просто жили, как все. По утрам — каша, по вечерам — телевизор, по выходным — дача.

Антон это бесило.

Он смотрел на родителей и не понимал: как можно так жить? Без цели. Без плана. Без амбиций. Просто плыть по течению, пока не состаришься и не умрёшь.

Он не хотел такой судьбы. Он хотел вырваться.

И он вырвался.

Школа — с золотой медалью. Институт — с красным дипломом. Первая работа — стажёр в маленькой консалтинговой фирме.

Он не был гением. Не был креативщиком. У него не было искры Божьей — той самой, которая позволяет людям видеть то, чего не видят другие.

Но у него было нечто иное — чудовищная, железобетонная, упрямая работоспособность.

Он брался за любую задачу. Работал по двенадцать часов. Учился всему, чему можно было научиться. Читал учебники, которые другие выбрасывали. Слушал старших коллег, записывал каждое слово.

Он ошибался. Падал. Снова поднимался.

Он не изобретал велосипед — он просто делал его лучше, быстрее и дешевле.

К тридцати годам он открыл собственную фирму. К тридцати пяти — выкупил конкурентов и превратил её в корпорацию.

У него был офис с панорамными окнами. Секретарша. Водитель. Личный кабинет с тяжёлой дубовой мебелью и портретами строгих мужчин на стенах.

Он мог купить всё. Часы за миллион. Машину, которая стоила как квартира в центре. Кольцо с бриллиантом, которое ослепило бы любую женщину.

Это была его вселенная. Правильная. Понятная. Предсказуемая.

Он не верил в сказки.

Он верил в графики, отчёты, сводки и проценты. А сказки — это для детей. Для тех, кто не дорос до взрослой жизни.

Антон дорос.

Антон знал цену всему. И он был уверен, что знает цену всему на свете.

До тех пор, пока не встретил Марго.

Она появилась в его офисе как случайность. Как ошибка кадрового отдела.

Маленькая, тихая, с огромными тёмными глазами и смешными косичками. Она пришла на собеседование с потрёпанной папкой и странным портфолио — вместо схем и диаграмм там были рисунки. Какие-то драконы, птицы, несуществующие цветы.

— Это что? — спросил Антон, перелистывая её работы. — Вы художник?

— Я маркетолог, — спокойно ответила она. — Но иногда я думаю картинками.

Антон хмыкнул. Он хотел отказать. У него не было в штате места для «мыслителей картинками».

Но его финдиректор, пожилой скептик, который не верил никому и ничему, вдруг сказал:

— Возьми её. Мне кажется, у неё голова варит. Иначе — как она выжила в той дыре, где работала раньше?

Антон удивился. Он уважал своего финдиректора. Старый волк чуял талант за версту. Если он говорит — надо брать.

Марго приняли на должность младшего маркетолога.

Антон забыл о ней на следующий же день. У него были дела поважнее.

Через месяц она принесла ему отчёт.

Антон сидел в своём кабинете, пил остывший чай и проверял почту. Марго вошла неслышно. Положила на стол три страницы, скреплённые степлером.

Скромно сказала:

— Я тут подготовила кое-что. Взгляните, если будет время.

Он кивнул. Она вышла.

Антон продолжил проверять почту. Потом допил чай. Потом посмотрел на бумаги. Взглянул мельком. Хотел отложить.

Но что-то остановило его.

Он стал читать. Медленно. Потом быстрее.

Он перестал дышать.

Это был отчёт о продвижении нового продукта. Стандартная задача, которую он раздавал кучу людей. Обычно его сотрудники приносили унылые таблицы с графиками продаж и скучными прогнозами.

Он всё это читал по диагонали — всё было одинаковым, как серые дома на серых улицах.

А здесь была диаграмма. Но не чёрно-белая. А с цветными стрелками и смешными значками.

Здесь была таблица — но с пояснениями на полях, написанными от руки.

И в углу, на последней странице, — маленький рисунок. Пухлый золотой дракончик с красными крыльями. Он улыбался и держал в лапках крошечный флажок с цифрой «3».

Антон не понял, зачем она нарисовала дракона. Это было непрофессионально. Это было глупо. Это было — странно.

Но он не мог оторвать глаз.

Он перечитал отчёт три раза. Впервые за долгое время он видел то, чего не мог придумать сам. Не потому, что это было гениально. А потому, что это было живое.

Он посмотрел на свой стол. Здесь были его собственные записи. Ровные, аккуратные, без единой ошибки. Они были правильные.

Они были мёртвые.

А лист Марго дышал.

Антон почувствовал странное щемящее чувство в груди. Он не мог его объяснить. Он вообще не привык разбираться в чувствах. Он привык решать задачи.

Он положил лист Марго на стол. И вдруг поймал себя на том, что в отражении окна, за его спиной, он видит странную тень. Будто два огромных крыла распахнулись за его плечами.

Он резко обернулся.

Никого не было. Просто игра света.

Он выругался. Выпил ещё чая. Заставил себя вернуться к работе.

Но лист Марго остался лежать на столе. Он не убрал его в папку. Не отдал секретарше.

Он оставил его — рядом со своей рукой.

На всякий случай.

С этого дня он стал замечать её.

Как она тихо сидит в углу открытого пространства. Как рисует что-то в своей потрепанной тетради, когда думает. Как улыбается своим мыслям — такая улыбка бывает у людей, которые знают что-то, чего не знают другие.

Он стал подходить к ней. Спрашивать совета. По любому поводу. Он, который никогда никого не слушал, — он ловил каждое её слово.

— А если сделать так? — тихо спрашивала она. — Не знаю, как это будет работать, но давайте попробуем.

И это работало.

Всякий раз, когда её нестандартный подход сталкивался с его упорством — рождалось нечто. Продукт, который люди покупали. Реклама, которую замечали. Стратегия, которая приносила прибыль.

Компания росла. Корпорация расширялась. Конкуренты падали.

Антон богател.

Он приписывал успех себе. Он работал как проклятый. Он знал: без него ничего бы не было.

Но где-то в глубине души, в самой тёмной её части, он понимал — и без неё тоже.

Марго стала его тенью. Его правой рукой. Его талисманом.

Он не мог признаться себе, что она ему нужна. Это было слишком странно. Он — человек, который ни в чём не нуждается. Который сам себя построил. Который никому не обязан.

Но когда она однажды задержалась с отпуском на неделю — он поймал себя на том, что каждый вечер смотрит на дверь её кабинета. Ищет взглядом. Ждёт.

Он не понимал, что с ним происходит.

А потом понял.

Это было так просто, что он испугался.

Он хочет, чтобы она была рядом. Всегда. Не потому что она полезна для бизнеса. А потому что — просто потому что.

Он не верил в сказки. Но, кажется, одна сказка сидела в его офисе, рисовала дракончиков на полях отчётов и потихоньку разрушала его железобетонный мир.

Антон решил действовать.

Он не привык сомневаться. Он привык решать задачи и двигаться дальше. Если он чего-то хотел — он это получал. Просто. Потому что он умел достигать целей.

Он купил кольцо.

Не просто кольцо — а самое дорогое кольцо, какое смог найти в этом городе. Огромный бриллиант чистой воды, оправленный в платину. Он стоил столько, сколько иной человек зарабатывает за десять лет.

Антон не торговался. Он сказал: «Заверните». Ему даже не было жалко денег.

Это был его козырь. Его аргумент. Его доказательство.

Он подготовил речь. Тщательно. Пункт за пунктом.

Причина первая: они дополняют друг друга. Причина вторая: он обеспечит её. Причина третья: вместе они построят империю.

Каждый тезис подкреплён цифрами — доходы, перспективы, планы развития.

Он репетировал. Он чувствовал себя уверенно.

Он позвал её в свой кабинет в конце рабочего дня, когда все разошлись.

Марго пришла — тихая, спокойная, со своей вечной тетрадью под мышкой. Она остановилась у двери и смотрела на него своими тёмными глазами.

— Присядь, — сказал Антон.

Она села. Она не выглядела удивлённой. Она вообще редко удивлялась. Она просто ждала.

Антон достал коробочку. Открыл.

Бриллиант вспыхнул в свете лампы — холодно, ослепительно, безупречно.

Марго посмотрела на кольцо. Потом перевела взгляд на Антона.

И промолчала.

— Марго, — начал он. — Я много думал о нас. Я человек прямой, вычурности не люблю. У нас с тобой есть деловая связь. Она приносит плоды. Я предлагаю узаконить её. Мы будем вместе. Я обеспечу тебя. Мы построим ещё больший бизнес. Нам хорошо вместе — это факт.

Он говорил. Он чувствовал, что его голос звучит ровно и убедительно. Он перечислял аргументы. Он приводил факты. Он был логичен.

Марго молчала.

Она смотрела на него и молчала. Её лицо — спокойное. Но в глазах — что-то менялось. Сначала она смотрела с интересом. Потом — с лёгким удивлением. Потом — с чем-то, что Антон не мог определить.

Он закончил. Положил кольцо на стол перед ней. Посмотрел на неё с уверенностью победителя.

Женщины не отказывают таким, как он. Он даёт ей всё. Стабильность. Защиту. Статус.

Марго опустила глаза. Помолчала. Потом взяла кольцо в руки — осторожно, будто оно могло рассыпаться. Посмотрела на бриллиант. Покрутила его.

И положила обратно.

— Антон, — сказала она тихо. — Я... мне надо подумать.

Он замер.

— Что?

— Мне надо подумать, — повторила она. — Это не то, что можно решить сразу.

Она поднялась. Взяла свою тетрадь. Посмотрела на него ещё раз — и в этом взгляде он увидел что-то... жалость? Разочарование?

Он не понял.

— Я завтра скажу, — сказала она. — Спокойной ночи.

И вышла.

Дверь мягко закрылась.

Антон остался один. Он сидел за столом. Перед ним — открытая коробочка с кольцом. Бриллиант сверкал.

Он был идеален. Он стоил бешеных денег.

Он не сработал.

Антон не понимал. Он делал всё правильно. Он же аргументировал. Он же предложил. Он же дал ей всё.

А она сказала «надо подумать».

Что тут думать? Всё же понятно!

Он почувствовал, как внутри поднимается волна — злость, обида, непонимание. Он привык, что мир подчиняется ему. Он привык, что если он что-то решает — так оно и будет.

А тут вдруг оказалось, что есть вещи, которые он не может купить. Не может продать. Не может решить приказом.

Он сидел в пустом кабинете до полуночи. Смотрел на кольцо. Перебирал в голове свою речь. Искал ошибку. Пересчитывал аргументы.

Всё было верно. Всё было правильно.

Но где-то в глубине его сознания, в самом тёмном углу, проступила трещина. Тонкая, едва заметная. Как будто кто-то провёл иглой по его выверенному, идеальному миру.

Он не верил в сказки. Он верил в цифры.

Но вдруг оказалось, что Марго — не цифра.

Он не спал всю ночь.

Утром, когда он пришёл в офис, её стол был пуст.

На нём лежала записка. Аккуратным почерком:

«Антон, я не приду сегодня. Мне нужно подумать. Не звони. Я сама напишу. Марго».

Он скомкал записку и бросил в мусорку. Потом достал её. Разгладил. Прочитал ещё раз.

Положил в карман пиджака.

Он не звонил. Он ждал.

Впервые в жизни он — человек действия, человек, который всегда шёл напролом, — он сидел и ждал. И это было самое тяжёлое испытание в его жизни.

Он смотрел на пустой стул Марго. На её монитор. На её рисунки, приклеенные скотчем к стене кабинки.

Он не понимал, что происходит. Он не понимал, что делать.

Он, который знал ответы на все вопросы, — он не знал одного: почему ей надо думать? Разве это не очевидно? Разве он не идеальный вариант?

Богат. Успешен. Обеспечен.

И впервые он задал себе вопрос, который раньше не приходил ему в голову:

«А что она чувствует?»

Он не знал ответа. Он вообще никогда не думал о чувствах других людей. Они были для него функциями. Сотрудник — для работы. Партнёр — для бизнеса. Женщина — для счастья.

Но что чувствуют эти функции — его никогда не интересовало.

А тут — интересовало. Впервые.

И это пугало его больше, чем любая сделка в его жизни.

Он просидел весь день в офисе. Смотрел на кольцо. Смотрел на пустой стул. Смотрел на тетрадь Марго — она лежала на её столе. Забытая. Или оставленная нарочно?

Он встал. Подошёл. Протянул руку. Остановился.

Взять её тетрадь? Прочитать? Это было бы неправильно. Он не имел права.

Но желание понять — оно было сильнее.

Он прикоснулся к обложке. Она была потёртая, тёмно-синяя, с золотым драконом.

Он открыл первую страницу.

Увидел рисунок.

Дракон в полный рост. Яркий, живой, дышащий. Он улыбался. Вокруг него — искры, цветы, звёзды. Будто это было не просто рисунок, а окно в другой мир.

Антон захлопнул тетрадь.

Сердце колотилось.

Он посмотрел на своё отражение в тёмном окне. За его спиной — снова тень крыльев.

Он не обернулся. Он просто стоял и смотрел.

И впервые в жизни он подумал:

«Может быть, я что-то упустил?»

Он не верил в сказки. Но сказка сидела за соседним столом. И она рисовала драконов.

А он, большой человек, который умеет считать деньги, — он не знал, как посчитать то, что у неё в глазах.

Он решил ждать. Ждать, сколько потребуется. Впервые в жизни он не мог форсировать событие. Впервые он не мог решить всё деньгами и логикой.

Он ждал.

И это было для него — самое трудное.

Но где-то в глубине души, в той самой трещине, что появилась прошлой ночью, — проклёвывался росток нового понимания.

Мир не всегда строится по плану.

Иногда он — как дракон. Яркий, живой, непредсказуемый.

И его нельзя купить.

Его можно только принять.

ГЛАВА 3. Денис

Денис Верещагин не был героем.

Он был сантехником. Обычным сантехником, каких в каждом городе — сотни. В синем комбинезоне, с ящиком инструментов, с вечно испачканными руками и запахом машинного масла.

Он не носил дорогих костюмов, не ездил на иномарках, не сидел в кабинетах с панорамными окнами. Он лазал по подвалам, чинил трубы, менял вентили и прочищал засоры.

Но был один нюанс.

Денис не научился думать.

Он не был гением. Не был изобретателем в белом халате. Но у него была одна особенность, которая отличала его от всех остальных сантехников в этом городе: он умел видеть нестандартные решения там, где другие видели только проблему.

— Слушай, Денис, — говорили ему. — У нас тут труба лопнула под стяжкой. Три бригады смотрели, говорят — надо долбить пол. А заказчик — женщина нервная, у неё ремонт недавно. Нельзя долбить.

Денис приходил. Смотрел. Думал. Иногда полчаса. Иногда час.

Потом доставал какой-нибудь хитрый инструмент, который сам смастерил в гараже, и делал что-то такое, от чего у других глаза на лоб лезли.

— Как ты это придумал? — спрашивали его.

— Ну, — пожимал плечами Денис. — Труба же не просто труба. Она часть системы. Надо понять, как она дышит.

«Как она дышит» — никто из его коллег не понимал этой фразы. Но заказчики понимали другое: Денис делает работу быстро, дёшево и без разрушений.

И за ним выстраивалась очередь.

К тридцати годам он стал лучшим сантехником в городе. Не самым богатым — он брал умеренно, — но самым востребованным. У него была старая «Газель», набор инструментов, который он собирал годами, и репутация человека, который решает невыполнимые задачи.

Но Денису этого было мало.

У него была мечта. Простая, но упрямая, как он сам.

Он хотел открыть свою фирму. Не просто сантехническую контору — а настоящую инженерную компанию, которая проектирует сложные системы для домов и предприятий. Он уже придумал несколько решений, которые могли бы запатентовать. Он знал, что это может быть большим делом.

Но для этого нужны были деньги. Много денег.

Поэтому он работал. Работал как проклятый. Брал все заказы, какие были. Утром — в одном районе, днём — в другом, вечером — в третьем. Выматывался до такого состояния, что падал на кровать, не раздеваясь.

Но каждый вечер открывал свою тетрадку с расчётами и смотрел, как растёт сумма на счету.

Ещё немного. Ещё чуть-чуть.

И он откроет свою фирму.

Так шли дни. Недели. Месяцы.

А потом случился тот самый вызов.

Однажды утром Денису позвонил незнакомый номер.

— Денис Верещагин? — спросил женский голос. — Это управление городским архивом. У нас проблема с отоплением. Подвал заливает. Говорят, вы лучший. Приедете?

Денис вздохнул. Архив — это не тот заказ, от которого горят руки. Обычно там скучно: старые здания, старые трубы, никакой сложности.

Но деньги есть деньги.

Он записал адрес и поехал.

Здание архива оказалось старым, ещё дореволюционным. Толстые стены, высокие потолки, узкие окна. Внутри пахло пылью и старой бумагой.

Денис спустился в подвал вместе со смотрителем — пожилым мужчиной с испытанным лицом и вечными жалобами на жизнь.

— Вот, — сказал смотритель, показывая на лужу посреди бетонного пола. — Откуда течёт — непонятно. Три раза звали, все разводили руками. Говорят, надо вскрывать весь пол. А начальница наша — женщина строгая, она против.

Денис осмотрелся.

Подвал был огромный, гулкий, с кирпичными сводами. По стенам шли старые трубы — ржавые, но когда-то добротные.

Он подошёл к луже. Посмотрел на потолок. Постоял.

Потом достал фонарик и начал обследовать стены.

Через двадцать минут он нашёл проблему.

Она была не там, где все искали.

Вода текла не по трубе отопления, а по старой дренажной системе, которую сорок лет назад замуровали в стену и забыли о ней. Она проржавела, и теперь вода шла по стене, стекала вниз и растекалась по полу.

Трубы были целы. Проблема была глубже.

— Тут надо не так, — сказал Денис смотрителю. — Я сделаю. Только нужно будет зайти в соседнее помещение. Там есть доступ к этой дренажной ветке.

— Какое соседнее? — удивился смотритель. — Там же только архив. Стеллажи с бумагами.

— А открыть можно?

Смотритель почесал затылок.

— Могу попробовать. Но там замок старый, ключ только у начальницы. А она уехала на совещание. Будет после обеда.

Денис посмотрел на часы. Обед — через час. Он мог бы подождать. Или мог бы попробовать вскрыть замок сам — у него был опыт.

Но без разрешения он не имел права.

— Ладно, — сказал он. — Я пока подготовлю инструменты. Посмотрю, что можно сделать отсюда. А вы сходите, узнайте, нет ли запасного ключа.

Смотритель ушёл. Денис остался один в подвале.

Он прошёлся вдоль стены. Постучал по кирпичам. Приложил ухо — где-то за стеной шумела вода.

Он нашёл место, где нужно будет работать. Прикинул, какой инструмент понадобится.

А потом он заметил дверь.

Она была в самом конце подвала, в тёмном углу. Старая, обитая железом, с массивной ручкой.

На двери висел замок — но не обычный, а с кодовым набором. Такие ставят там, где хранят что-то важное.

Денис подошёл. Потрогал замок.

Он был не заперт. Просто закрыт на защёлку.

Он толкнул дверь. Она приоткрылась.

Внутри было темно. Пахло старой бумагой и чем-то ещё — сладковатым, затхлым.

Денис достал фонарик и шагнул внутрь.

Это была небольшая комната без окон. Вдоль стен стояли металлические стеллажи. На них — папки. Много папок. Старых, пыльных, с выцветшими надписями.

Денис не собирался ничего здесь искать. Он просто хотел посмотреть, нет ли в этой комнате доступа к дренажной трубе.

Он прошёл вдоль стеллажей, осветил фонариком вверх. Провода, пыль, паутина. Трубы — нет.

Он уже хотел выйти, когда его взгляд упал на одну из папок.

Она лежала не на полке, а на полу — будто её уронили и забыли. Папка была толстая, с потрёпанными краями.

На обложке — выцветшая надпись, напечатанная на старой машинке:

«ОПЕРАЦИЯ ЗАКАТ. СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО».

Денис остановился.

«Операция Закат» — прочитал он. — Что за чушь?

Он наклонился. Поднял папку. Она была тяжёлой.

Он открыл её.

Внутри были листы бумаги. Старые, пожелтевшие, с запахом времени. Машинописный текст. Даты — пятидесятилетней давности. Подписи, печати, пометки от руки.

Денис не был любопытным человеком. Он был практиком. Его не интересовали тайны прошлого.

Но что-то в этой папке зацепило его.

Первая страница была озаглавлена: **«Приказ 7. О введении в действие Регламента ограничений на территории Города».**

Ниже — текст, напечатанный мелким шрифтом.

Денис пробежал глазами первые строки и почувствовал, как по спине пробежал холодок.

«1. Запрещается распространение, создание и хранение любых материалов, содержащих элементы сказочного, фантастического или мифологического содержания...»

Денис перевернул страницу.

«2. Запрещается обучение детей любым формам творческого воображения, не предусмотренным образовательной программой...»

Ещё одна страница.

«3. Запрещается публичное исполнение, демонстрация или иная форма воспроизведения произведений, содержащих образы вымышленных существ, в том числе драконов...»

Денис листал страницы. Его глаза становились всё шире.

«...изъятие из библиотек и образовательных учреждений всех книг, содержащих элементы...»

«...перепрофилирование учреждений культуры...»

«...ликвидация ассоциаций и сообществ, занимающихся...»

«...создание специальных комиссий по выявлению и пресечению...»

Он дочитал до конца. Руки дрожали.

На последней странице была резолюция, написанная от руки красными чернилами:

«Уничтожить все материалы и свидетельства. Привести город к единообразию. Сказка — яд. Освободить город от яда. Операцию начать немедленно».

Денис стоял в темноте, сжимая папку в руках.

Он не понимал, что видит. Он не был историком. Не был политиком. Он был сантехником.

Но даже он понимал: это — страшно.

Это — документ о том, что пятьдесят лет назад в его городе случилось что-то ужасное. Что-то, что стёрло из памяти людей целый пласт жизни. Что жестоко вырезало из мира всё, что связано со сказками.

Он посмотрел на папку. Потом на дверь. Потом снова на папку.

Что делать? Положить обратно? Забыть? Притвориться, что он ничего не видел?

Он не привык принимать такие решения. Его работа — трубы. Не тайны.

Но что-то внутри него — какое-то упрямое, детское, давно забытое чувство — шевельнулось и сказала:

«Это важно».

Он сунул папку под куртку. Вышел из комнаты. Закрыв за собой дверь.

Сердце колотилось.

Денис закончил работу к вечеру. Заказчик остался доволен — вода больше не текла, ничего долбить не пришлось. Смотритель пожал ему руку, заплатил, пожелал удачи.

Денис сел в свою «Газель» и положил папку на соседнее сиденье.

Он не знал, что с ней делать. Но он знал одно: не сможет просто выбросить её.

Он сидел в машине, смотрел на обложку и думал.

Что это за операция? Кто её проводил? Почему об этом никто не знает?

Он сам родился через двадцать лет после этих событий. Его родители тоже. Они никогда не говорили об этом. Никто никогда не говорил.

Город жил без сказок — и все считали это нормой.

Но так ли это было всегда?

Денис вспомнил свою бабушку. Она умерла, когда ему было десять. Он помнил её руки — тёплые, в морщинах. Помнил её голос.

Она рассказывала ему сказки.

Несмотря ни на что.

«Жил-был дракон, — говорила она. — Не злой, не добрый. Просто дракон. И однажды он встретил девочку...»

Денис помнил это. Он помнил дракона. Помнил, как бабушка шептала ему сказки на ухо, будто боялась, что кто-то услышит.

Он не понимал тогда, почему она шепчет.
Теперь — начинал понимать.
Он тронул папку рукой. Она была холодной.
— Ладно, — сказал он сам себе. — Разберёмся.
Утром следующего дня Денис снова ехал к архиву.
Он не планировал этого. Он вообще не любил возвращаться на выполненные заказы. Но папка не давала ему покоя. Он перечитал её вечером — несколько раз. Он не понял и половины.
Но то, что понял, — не давало спать.
Он припарковался у здания архива и увидел её.
Девушка сидела на ступеньках крыльца с книгой в руках. На ней был лёгкий плащ, в руках — большая потрёпанная тетрадь.
Тёмно-синяя обложка, золотой дракон.
Денис остановился как вкопанный.
Дракон.
Он видел эту тетрадь. Вернее — он видел рисунок дракона на обложке. Такой же стиль. Такие же крылья. Та же энергия.
Девушка подняла голову и посмотрела на него. Тёмные глаза. Спокойное лицо. Ей было лет двадцать пять — двадцать семь.
Она не выглядела удивлённой.
— Вы что-то потеряли? — спросила она.
Денис подошёл ближе.
— Я вчера здесь работал, — сказал он. — В архиве. А вы?
— Я Марго, — ответила она. — Я приехала поработать в архиве. Разбираю старые документы.
Денис почувствовал, как внутри что-то ёкнуло.
Старые документы. Папка. «Операция Закат».
— Извините, — сказал он. — Можно у вас спросить? Вы... верите в сказки?
Марго удивлённо подняла бровь.
— Станный вопрос для сантехника.
— Я не просто сантехник, — сказал Денис. — Я... я нашёл кое-что. И я не знаю, что с этим делать. Но мне кажется, вам это может быть интересно.
Он достал папку. Протянул ей.
Марго посмотрела на папку. Потом на него. Потом снова на папку.
— Что это? — спросила она.
— Сами посмотрите.
Она открыла папку. Начала читать.
Денис смотрел на её лицо. Он видел, как меняется её выражение. Сначала — лёгкое недоумение. Потом — удивление. Потом — что-то тёмное, глубокое, тревожное.
Она перевернула последнюю страницу. Посмотрела на него.
В её глазах был ужас.
— Откуда это у вас? — спросила она шёпотом.
— Нашёл в подвале. В закрытой комнате. Я полез туда по работе и... нашёл.
Марго молчала. Она снова посмотрела на папку. Потом на свою тетрадь. Потом на него.
— Вы понимаете, что это значит? — тихо спросила она.
Денис покачал головой.
— Не совсем. Но я понимаю, что это — страшно.
Марго кивнула.
— Это не просто страшно, — сказала она. — Это... это объясняет всё.
Она поднялась. Закрыла папку.

— Мне нужно подумать. Я свяжусь с вами. Можно ваш номер?

Денис продиктовал номер. Она записала.

— Спасибо, — сказала она. — Вы сделали важное дело. Даже не понимая этого. И ушла, унося папку с собой.

Денис стоял на ступеньках архива и смотрел ей вслед.

Он не знал, что только что произошло. Но он чувствовал: что-то изменилось. Что-то в самом воздухе города.

Как будто где-то в глубине огромный дракон открыл глаза.

И посмотрел на мир.

ГЛАВА 4. Встреча

Марго не верила в совпадения.

Она вообще не верила в то, что мир устроен случайно. Слишком много раз в её жизни происходило то, что нельзя было объяснить простой удачей. Встречи, которые меняли всё. Знаки, которые она не могла игнорировать. Люди, которые появлялись ровно в тот момент, когда были нужны.

Сантехник с папкой в руках был таким знаком.

Она не спала всю ночь после их разговора у архива. Папка лежала на её кухонном столе — истёртая, тяжёлая, пахнувшая временем. Она перечитала её трижды. Первый раз — чтобы понять. Второй — чтобы поверить. Третий — чтобы запомнить каждое слово.

«Операция Закат».

Она знала, что это такое. Вернее — она чувствовала. Всю жизнь она чувствовала, что мир вокруг неё — неправильный. Что из него что-то вынули. Что-то важное, тёплое, живое. Она думала, что это только её странность. Её «врождённый дефект», как говорили врачи.

Но теперь она держала в руках доказательство. Дефект был не у неё. Дефект был у мира.

Она набрала номер Дениса в десять утра. Он ответил после первого гудка — будто ждал.

— Это Марго, — сказала она. — Мы вчера встретились. У архива.

— Я помню, — сказал он. — Вы прочитали папку?

— Да. Мне нужно с вами поговорить. Это важно.

— Я знаю одно кафе, — сказал он. — Тихое, там никто не бывает. Я скину адрес.

— Хорошо. Через час.

— Я приеду.

Он приехал. Даже раньше.

Кафе оказалось маленьким, прокуренным, с обшарпанными стенами и старыми бархатными диванами. За стойкой скучал бармен лет шестидесяти, который, казалось, видел всё на свете и ничему не удивлялся.

Денис сидел за дальним столиком, в углу. Перед ним стояла чашка чёрного чая и круасан, к которому он не притронулся.

Марго села напротив. Положила папку на стол.

— Я перечитала её три раза, — сказала она. — Это не просто документ. Это исповедь.

Денис кивнул.

— Я тоже её читал, но не всё понял...

— Это приказ, — сказала она. — Пятьдесят лет назад власть решила уничтожить сказки. Все. Учебники, книги, фильмы, воспоминания. Всё, что содержало хоть каплю волшебства. Они создали целую систему. Комиссии. Изъятия. Перепрофилирование. Они стёрли сказки из мира как класс.

— Зачем? — спросил Денис.

— Из-за страха, — сказала Марго. — Сказки — это воображение. А воображение нельзя контролировать. Люди, которые умеют мечтать, — опасны. Они могут представить другую жизнь. Другой мир. Другого себя. И тогда их невозможно будет загнать в рамки.

Она замолчала.

Денис смотрел на неё. Он не был экспертом по психологии или истории. Он был сантехником. Но он понимал простую вещь: когда человеку запрещают мечтать, у него остаётся только работа, еда и сон. И этого достаточно, чтобы человек был послушным. И недостаточно — чтобы он был живым.

— Что мы можем сделать? — спросил Денис.

Марго улыбнулась — впервые за долгое время.

— Вы первый человек, который не сказал: «Это не наше дело». Вы первый, кто спросил: «Что мы можем сделать?»

Денис пожал плечами.

— Я сантехник. Я привык чинить то, что сломано. А этот город... — он обвёл рукой вокруг. — Он сломан. Сильно сломан. Я просто не знал, с чего начать.

Они проговорили два часа.

Марго рассказывала о себе. О драконах. О том, что она рисовала с детства. О том, как её лечили. О тетради, которую она прятала. О работе. Об Антоне.

Денис слушал. Он не перебивал. Он кивал, иногда задавал вопросы — короткие, точные, по существу.

— А кто такой Антон? — спросил он.

— Мой... — Марго замялась. — Мой начальник. И... он предложил мне выйти за него замуж.

Денис не изменился в лице. Но что-то в его глазах дрогнуло. Очень коротко. Почти незаметно.

— И что вы ответили?

— Я не ответила. Я сказала, что мне надо подумать. И вот... я думаю до сих пор.

Она посмотрела на него. Он не отвёл взгляд.

— В папке есть кое-что ещё, — сказал Денис. — На последней странице. Там написано про Хранителей.

Марго кивнула.

— Да. Я заметила. «Хранители сказок. Последние известные местонахождения». Но там нет адресов. Только координаты. И я не понимаю, где это.

— А я понимаю, — сказал Денис. — Я сантехник, я весь город знаю по подвалам. Эти координаты — не в городе. Это тайга. Где-то за северной границей.

Марго замерла.

— Вы уверены?

— Да. Я там был пару раз. Охотился с дядей в детстве. Там, — он ткнул пальцем в карту, — есть старая линия электропередач. За ней — посёлки. А дальше — глушь. Если там что-то и спрятано, то оно спрятано очень хорошо.

— Мы должны туда поехать, — сказала Марго.

Денис помолчал. Потом медленно кивнул.

— Поехать — можно. Но это не выходные на даче. Это неделя тайги. Без связи, без дорог, без помощи. Я смогу. Я знаю, что брать, как идти, как не заблудиться. Но вы... — он посмотрел на неё. — Вы готовы?

Марго посмотрела ему в глаза.

— Я всю жизнь ждала, когда у меня появится причина быть смелой. Теперь она у меня есть.

Денис внезапно улыбнулся. Она не видела его улыбку раньше — она возникла неожиданно и погасила всю суровость с его лица.

— Ну, значит, едем.

— Нам нужна машина, — сказала Марго. — У меня нет. Вы?

— У меня «Газель». Старая, но надёжная. Если загрузиться с умом — дотянет.

— Нам нужен ещё один человек, — сказала она. — Антон. У него есть деньги. Снаряжение. Связи. Если понадобится вытащить нас из проблем — он сможет.

Денис помолчал. Потом сказал ровным голосом:

— Он тот самый, который предложил вам выйти замуж?

— Да.

— Вы его любите?

Марго отвела взгляд.

— Я не знаю. Я думала, что да. Но теперь... — она вздохнула. — Я не знаю, что я чувствую.

Денис кивнул. Не стал давить.

— Ладно. Звоните ему. Я подготовлю машину и снаряжение. А если он откажется — поедem вдвоём.

— Вы его не уговорите, — сказала Марго. — Он вас не послушает. Он даже меня не всегда слушает.

Денис усмехнулся.

— Посмотрим.

Они поднялись. Марго взяла папку, прижала к груди.

— Спасибо, — сказала она. — Вы даже не представляете, что вы для меня сделали.

— Я ничего не сделал, — сказал Денис. — Я просто нашёл папку и принёс её вам. Но знаете что?

— Что?

— Вы — первый человек, который не назвал меня сумасшедшим. За всю мою жизнь. — Он посмотрел на неё. — Я всю жизнь видел, что мир — неправильный. Что из него вынули что-то важное. Но когда я говорил об этом — мне смеялись в лицо. А вы... вы не смеялись.

Марго улыбнулась.

— Потому что я тоже вижу. И я тоже думала, что я одна.

Они стояли друг напротив друга в старом прокуренном кафе. Между ними — папка с тайной. За ними — город без сказок. Впереди — тайга.

Денис протянул руку.

— Тогда познакомимся заново. Денис.

Она пожала её.

— Марго.

Он задержал её руку в своей на мгновение дольше, чем нужно. Она не убрала.

И впервые за долгое время она почувствовала, что она не одна.

Она позвонила Антону в тот же вечер.

Он ответил после второго гудка. Голос — ровный, деловой.

— Марго. Ты пропала. Я ждал твоего ответа.

— Антон, мне нужно поговорить с тобой. Не о нас. О другом.

— О чём?

— О том, что я нашла. О том, что мне нужно уехать. И мне нужна твоя помощь.

Пауза. Длинная. Тяжёлая.

— Объясни.

Она объяснила.

Не всё. Не про папку и операцию — это слишком. Она сказала, что ей нужно найти кое-что. Что это важно. Что это может изменить всё. И что без него не справится.

— Марго, — сказал он. — Ты звучишь безумно. Ты понимаешь? Безумно.

— Возможно. Но это важно.

— Что важно? Что ты нашла? Где ты была?

— Я не могу говорить по телефону.

— Тогда приезжай. Мы поговорим лично.

— Я приеду. Но сначала скажи мне одну вещь.

— Какую?

— Ты доверяешь мне?

Тишина. Она слышала его дыхание.

— Я... — он запнулся. — Я не знаю. Раньше я доверял. Потом ты исчезла. Ты не приходила на работу. Ты не отвечала на звонки. Ты сказала «мне надо подумать» — и исчезла. Я — человек, который всегда всё контролирует. А ты выбила у меня почву из-под ног. Я не знаю, что об этом думать.

— Антон, — сказала она мягко. — Я не предаю тебя. Я просто... я нашла правду. И она больше меня. Она больше нас. Она больше этого города. Мне нужно, чтобы ты был рядом. Потому что ты — самый сильный человек, которого я знаю. Ты умеешь решать проблемы. Ты умеешь пробивать стены. А здесь нужно пробить очень толстую стену.

Он молчал. Долго.

- Приезжай завтра, — сказал он наконец. — В офис. В десять.
- Приеду.
- И Марго.
- Да?
- Если это ловушка — я не прощу.
- Это не ловушка, — ск

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.